ботахъ соціалистовъ-утопистовъ первой половины прошлаго столѣтія указана только суть новаго общества, но еще не выработаны реальныя формы, въ которыя эта суть должна воплотиться. Но въ трудахъ Маркса, Лассаля и ихъ послѣдователей уже въ значительной мѣрѣ разработана и эта сторона вопроса, такъ что новое общество уже не является для насъ утопіей, грезой, миражемъ, всегда и въ прежнія времена манившимъ человѣчество (Бабефъ въ великую революцію, „уравнители“ англійской революціи, анабаптисты реформаціонной эпохи, первыя христіанскія и буддійскія общины),—оно приняло почти реальныя формы. Это уже не мечта поэта, а зрѣлый плодъ критической мысли человѣчества. Надъ соціальнымъ вопросомъ работалъ и рѣшилъ его XIX вѣкъ, какъ надъ вопросомъ политическимъ работалъ и рѣшилъ его XVIII вѣкъ. И потому, революція нашего времени, которая откажется отъ рѣшенія соціальнаго вопроса, т. е. отъ замѣны стараго, капиталистическаго общества новымъ, соціалистическимъ,—будетъ не великой, а ничтожной революціей, которая не только въ соціальномъ, но и въ политическомъ отношеніи никакихъ серьезныхъ результатовъ не достигнетъ.

Идея русской революціи еще не вполнѣ формулировалась. Напомнимъ, что и въ великую французскую революцію отъ взятія Бастиліи до національнаго конвента прошло 4 года, и дѣятели учредительнаго собранія, Мирабо, Сійесъ и проч., еще не думали, не гадали о „конституціи 1793 года“. И въ великую англійскую революцію отъ бѣгства Карла I изъ Лондона до провозглашенія республики прошло десять лѣтъ, въ теченіе которыхъ даже такіе люди, какъ Кромвель, не подозрѣвали, что вскорѣ они сдѣлаются республиканцами.

Но если, даже по мнѣнію такой партіи, какъ наши конституціоналисты-демократы, мы переживаемъ „дѣйствительно великую революцію—великую по неимовѣрной силѣ взрыва страстей, великую по глубинѣ своихъ мотивовъ и неизмѣримости своихъ послѣдствій—революцію, которая можетъ найти себѣ аналогію только въ грандіозныхъ народныхъ движеніяхъ середины XVII вѣка въ Англіи и конца XVIII вѣка во Франціи, и по сравненію съ которой революціи 1830 и 1848 годовъ были ребяческой забавой“ *),—то, конечно, ея идея опредѣлится, какъ соціалистическая.

Но теперь, въ началѣ революціоннаго процесса, даже крайнія наши партіи, естественно, еще не въ состояніи оцѣнить все значеніе совершающихся передъ ними явленій и, пока что, представляютъ себѣ нашу революцію какъ „буржуазную“ (с.-д.), или допускаютъ возможность половинчатаго преобразованія: соціалистическаго—въ земледѣльческой, буржуазнаго—въ промышленной области (с.-р.). Мы не сомнѣваемся, однако, что это лишь временная нерѣшительность и что, когда характеръ нашей революціи выяснится окончательно,—попытка организаціи новаго, соціалистическаго общества будетъ сдѣлана.

* *
*

Мы говоримъ: если русская революція есть великая революція, то она не можетъ не привести къ соціальному перевороту.

Но чѣмъ же отличается „великая“ революція отъ „малой“?

Очевидно, дѣло не въ количественной только разницѣ, не въ числѣ убитыхъ и раненыхъ, повѣшенныхъ и разстрѣлянныхъ, не въ количествѣ пролитой крови... Всякій чувствуетъ, что между французской революціей конца XVIII вѣка и революціями 1830 или 1848 года есть глубокая качественная разница. Но выраженія „великая“ или „малая“ слишкомъ неопредѣленны: они указываютъ лишь на количественную разницу, на разницу въ размѣрахъ, которая сама обусловлена качественной разницей,—разницей въ смыслѣ и содержаніи революціи.

Стремленіе великой революціи, то, что составляетъ ея суть и обезпечиваетъ ей успѣхъ,—есть стремленіе къ новой жизни, къ осуществленію правды на землѣ. Оно возникаетъ, когда фраза „такъ больше жить нельзя“ становится уже не фразой, а выраженіемъ неодолимой потребности. Народъ не хочетъ и не можетъ больше мириться съ прежнимъ существованіемъ, полнымъ жестокости, обмана и угнетенія; это существованіе стало для него нестерпимымъ, онъ ставитъ надъ нимъ крестъ и принимается водворять новыя отношенія справедливости, правды, всеобщаго благосостоянія,—ниспровергая и уничтожая все, что препятствуетъ достиженію этой цѣли. Не реформы, не конституція, не республика, не восьмичасовой рабочій день, не осуществленіе той или другой партійной программы являются цѣлью этого стремленія, а уничтоженіе стараго и водвореніе новаго порядка,—совершенно новаго, въ которомъ не останется и тѣни прежнихъ несправедливостей. Такова цѣль всякой великой революціи, въ наивной формѣ выраженная англійскимъ революціоннымъ парламентомъ 1653 года (такъ наз. бэрбонскій парламентъ): „Вѣруемъ, что Господь, по своей неизреченной милости, не оставитъ своего народа, что мы въ его рукѣ сдѣлаемся орудіемъ для сокрушенія всякаго утѣснительнаго ига, всякаго бремени, тяготѣющаго надъ народомъ; что прольется благодать надъ бѣдными и неимущими, исчезнетъ вражда, и мечъ замѣнится плугомъ, и волкъ будетъ пастись съ ягненкомъ; что вся земля исполнится славы Божіей, подобно тому, какъ пучины морскія наполнены водою“ *).

Но эта общая цѣль воплощается въ опредѣленныя формы общественныхъ отношеній, тѣ именно, которыя въ данный историческій моментъ разработаны теоретической мыслью человѣчества.

Великая французская революція искала осуществленія правды на землѣ въ организаціи новаго политическаго общества, основаннаго на гражданскомъ равенствѣ и политической свободѣ, крайнимъ выраженіемъ котораго явилась конституція 1793 года,—республиканская, съ всеобщимъ избирательнымъ правомъ и референдумомъ. Тогдашнимъ людямъ казалось—напрасно казалось, какъ обнаружилось впослѣдствіи, но они-то этого не знали!—что въ новомъ политическомъ обществѣ дѣйствительно осуществятся—свобода, равенство и братство.

Идеей великой англійской революціи была организація общества по типу первоначальной церкви; казалось, что она принесетъ правду и счастье на землю.

Идея реформаціоннаго движенія XVI вѣка была чисто религіозная: не затрагивая политическихъ и соціальныхъ отношеній, водворить на мѣсто католической истинную церковь; все остальное, казалось тогдашнимъ людямъ, приложится...

Ни одна изъ этихъ революцій не дала счастья человѣчеству, но каждая изъ нихъ пыталась осуществить все, что было разработано тогдашней мыслью; мало того, когда обнаруживалось, что эти попытки не привели къ желанной цѣли, то дѣлались попытки осуществленія и тѣхъ смутныхъ представленій, которыя еще не приняли опредѣленныхъ формъ (политическія и соціальныя стремленія рыцарей и крестьянъ въ германскихъ возстаніяхъ XVI в., соціалистическія грезы левеллеровъ, анабаптистовъ, бабувистовъ).

Это стремленіе народа покончить съ гнуснымъ старымъ существованіемъ и водворить новую жизнь, стремленіе, ставшее неодолимымъ импульсомъ, надъ которымъ уже самъ народъ не властенъ,—приводитъ къ тому, что во время великой революціи смѣна программъ, въ смыслѣ перехода отъ умѣренныхъ къ крайнимъ, происходитъ съ поразительной быстротою, и такъ называемыя „передовыя“ партіи одна за другой остаются за флагомъ; а дѣйствительно передовыя вскорѣ убѣждаются, что жизнь превзошла ихъ самыя смѣлыя надежды, и что имъ незачѣмъ добровольно ощипывать и обмѣщанивать свои программы.

Тамъ было въ эпохи прошлыхъ великихъ революцій,—то же мы видимъ и у насъ. Конечно, либеральные французы въ 1789 г. не подозрѣвали какъ скоро они окажутся измѣнниками дѣлу революціи, и конечно, наши прогрессисты разныхъ оттѣнковъ, отъ славянофильствующей братіи Шиповыхъ и Стаховичей до „конституціоналистовъ-демократовъ“, еще годъ назадъ не подозрѣвали какъ скоро они окажутся въ хвостѣ революціи, чтобъ не сказать въ лагерѣ реакціи. И, наоборотъ, въ 1789 г. будущимъ монтаньярамъ, безъ сомнѣнія, и во снѣ не снилась ихъ дѣятельность 1793 года, такъ же какъ и у насъ будущимъ организаторамъ новаго общества кажется теперь осуществимой лишь „программа минимумъ“..

Этотъ процессъ имѣетъ роковой, фатальный характеръ. Отпечатокъ фатальности характеризуетъ именно великія революціи. Наша не составляетъ исключенія: сравните начало прошлаго и начало нынѣшняго года и скажите, какъ все это случилось? Кто тутъ дѣйствовалъ? Мы знаемъ, какія силы работали въ теченіе, скажемъ, предыдущаго десятилѣтія: либеральные земцы вели свою линію, террористы свою, пропагандировали крайнія партіи, и т. д. Но кто совершилъ переворотъ 1905 года?

Въ томъ-то и дѣло, что ходъ великой революціи опредѣляется народной волей, переходящей изъ потенціальнаго, скрытаго состоянія въ активное и требующей разрушенія стараго и организаціи новаго общества. И безсознательно подчиняясь этой волѣ, политическіе дѣятели непрерывно расширяютъ программу преобразованій—а тѣ, кто вздумаетъ упираться, неизбѣжно и моментально отбрасываются, какъ мякина на вѣялкѣ—пока не исчерпаютъ всего, что выработано къ данному моменту мыслью человѣчества.

Точно ли, однако, переживаемая нами революція есть великая революція,—революція того же типа, какъ французская конца XVIII столѣтія или англійская XVII вѣка? Конечно, это не математическая проблема, которую можно рѣшить математически, внѣ споровъ. Субъективный элементъ въ оцѣнкѣ переживаемыхъ нами событій неизбѣженъ. Я вижу всѣ признаки великой революціи,—другой найдетъ ихъ недостаточно ясными и доказательными.

Во всякомъ случаѣ, попытаюсь перечислить ихъ въ самой сжатой формѣ. Это, во-первыхъ, глубина и широта захвата: весь народъ сверху до низу охваченъ революціоннымъ процессомъ. Поднялись рабочіе, поднялось крестьянство, въ арміи революціоннымъ броженіемъ охвачены едва ли не весь флотъ и часть сухопутнаго войска, въ Москвѣ революціонныя дружины бьются съ войсками, а населеніе, при участіи дворниковъ, лавочниковъ и т. п., строитъ баррикады. Почтово-телеграфные и желѣзно-дорожные чиновники устраиваютъ забастовки и оказываются однимъ изъ активнѣйшихъ революціонныхъ элементовъ,—вѣдь, если бы годъ назадъ человѣкъ во снѣ увидѣлъ что-нибудь подобное, его заперли бы въ сумасшедшій домъ, рѣшивъ, что нормальный человѣкъ такихъ вещй и во снѣ не увидитъ; а теперь мы ви

---

*) *С. Франкъ.* Одностороннее самопознаніе. Полярная Звѣзда, № 2, с. 130.

*) *Гизо.* Исторія англ. революціи. Т. III, с. 88.